

12/24 Июня 1873 г. Женева.

Многоуважаемый, дорогой Федоръ Михайловичъ, больше двухъ недѣль пробылъ я въ Парижѣ и, хотя попалъ въ очень веселое общество и воспользовался всѣми Парижскими удовольствіями; но, признаться, скучалъ изрядно да вспоминалъ напутственныя слова Ваши, оказавшіяся вполнѣ справедливыми. Я изъ себя выводилъ Французовъ моимъ равнодушіемъ къ красотамъ ихъ несравненнаго города и, подъ конецъ, чтобы не перессориться съ ними окончательно, сталъ увѣрять ихъ, что мой восторгъ сидитъ внутри меня, что я восхищаюсь, только не умѣю выражать это жестами и взорами. Они удивлялись странности и дикости русской натуры и, разумѣется, краснорѣчиво выставляли при этомъ превосходство своего характера, своей комплекціи, способной отзываться на все прекрасное (а истинно прекрасное заключается въ ихъ Парижѣ), способной сразу схватывать и всасывать въ себя все окружающее, въ одно и тоже время наслаждаться

// л. 6

тончайшими наслажденіями¹ всѣхъ чувствъ безъ исключенія. Долго я не могъ вырваться изъ очаровательной цѣпи ихъ любезности; но наконецъ какъ-то порвалъ эту цѣпь и, уставшій, пріѣхалъ въ Женеву, въ маленькую, простенькую и чистенькую Женеву, к^{ото}рая, по какому то капризу, мнѣ необыкновенно нравится. Три дня осматриваю все, что можно: началъ, разумѣется, съ того, что съѣздить пощупать настоящее Вольтеровское кресло; потомъ сдѣлалъ кругъ по Леману — осмотрѣлъ Лозанну, Веве, Шильонъ, а сегодня направляюсь въ Шамуни. Поѣздку свою въ Италію отмѣняю, ибо, по юности и неопытности, сильно отошаль карманомъ въ Парижѣ и изъ Швейцаріи, черезъ Мюнхенъ и Дрезденъ, возвращаюсь во свояси. Потомъ недѣли на двѣ съѣзжу къ своимъ въ Москву и въ половинѣ Іюля, если возможно то, о чемъ мы говорили, и что мнѣ очень улыбается, я буду совершенно въ Вашемъ распоряженіи.

Не смотря на скуку одиночества (съ милыми парижанами я чувствовалъ себя одинокимъ вѣроятно

// л. 6 об.

вслѣдствіе превосходства ихъ натуры) я очень доволенъ своимъ путешествіемъ — чую въ себѣ много новаго — чего... еще опредѣлить не могу, еще не разобрался въ сумбурѣ, меня наполняющемъ; но новое есть, есть безспорно.

Поэтому то я пишу Вамъ безсвязно и глупо, кромѣ того усталъ страшно, а поговорить съ Вами все же хочется, хочется еще, по несчастной привычкѣ, сказать Вамъ то, что пригрезилось мнѣ вчера на озерѣ:

Чуть шепчутся въ полдень горячій
Лазурныя воды Лемана,

¹ Исправлено. В рукописи было: настлажденіями

Какъ куполь всемірнаго храма
Сверкаетъ вершина Монблана.

Серебрянной, чистою тканью
Снѣга вѣковые узоры
Небрежно кругомъ разбросали
На эти маститыя горы;

И горы стоятъ неподвижно
Красуясь вѣчнымъ нарядомъ,
И смотрятъ на берегъ цвѣтущій
Холоднымъ и сумрачнымъ взглядомъ.

А берегъ въ вѣнкѣ виноградномъ
На зелени пышной играетъ,
И нѣжно горамъ улыбаясь
Имъ звонкую рѣчь посылаетъ:

«Ну что же вы, снѣжныя горы,
Глядите такъ строго, сурово —
Неужли вамъ, старымъ, не любо
Все то, что и ярко и ново?!

«Неужли вамъ, старымъ, не любо
Смотрѣть какъ я быстро мѣняюсь,
Какъ съ каждымъ людскимъ поколѣньемъ
Все въ новый нарядъ наряжаюсь?!».....

Но горы, сверкнувши снѣгами,
Закутались въ дымку тумана,
И вѣтромъ холоднымъ дохнули
На свѣтлыя воды Лемана;

Могучимъ громовымъ ударомъ
Отвѣтъ съ ихъ вершины скатился
И берегъ, дрожа и блѣднѣя,
Слезами въ испугѣ залился. —

Какъ то Вы это найдете?! Разорвете или напечатаете къ моему прїѣзду<.> —
Надѣюсь, что увижу Васъ здоровымъ, и что скоро увижу, потому что, если не
провалюсь на ледникахъ, то недѣли черезъ двѣ или даже полторы буду въ
Петербургѣ. Передайте, прошу Васъ, мое глубочайшее почтеніе Аннѣ
Григорьевнѣ и поцѣлуйте Вашихъ милыхъ дѣтокъ лишній разъ на мою долю.

Глубоко и искренно уважающій Васъ и любящій

Вс. Соловьевъ

// л. 7 об.